

Посвящается Милинду

Благодарности

Написание книги — это особый труд, невозможный без любви. Работа над этой книгой растянулась на десять с лишним лет, потому и список тех, кому я обязана, весьма длинный и разнообразный. Этот проект никогда не был бы осуществлен, если бы не вдохновляющий дух предприимчивых женщин из Центральной Сибири, с которыми я познакомилась в начале 1990-х. Они отправлялись за границу, чтобы привезти одежду в родные поселки. Точно так же меня воодушевили многие женщины из России, Южной Молдовы, Украины и Беларуси, занимавшиеся челночной торговлей или уезжавшие за границу на заработки. Я особенно благодарна тем, кому в этой книге даны имена Кара, Белла, Зина, Мария, Ева и Нелли. Они ввели меня в свой круг общения и подарили мне кое-что не менее ценное — дружбу. Семьи Марии, Зины и Нелли тепло принимали меня и мою семью в Стамбуле, Москве и Молдове в годы, когда я работала над проектом.

Множество организаций финансировали мою работу. Фонд гуманитарных и общественных наук Университета Британской Колумбии, Институт перспективных исследований Питера Уолла при Университете Британской Колумбии, Совет международных научных исследований и обменов поддержали меня на начальном этапе исследования (2001–2003 годы). Благодаря щедрому финансированию канадского Совета социальных наук и гуманитарных исследований я имела возможность не только провести изучение вопроса в трех странах, но и взять с собой свою маленькую дочь Исследовательская стипендия имени Киллама от факультета свободных искусств Университета Британской Колумбии позволила мне провести академический отпуск

в Турции (в 2007 году), а студенческая премия факультета искусств — оплатить работу нескольких студентов, которые провели библиотечное исследование. Наконец, в 2016 году мне повезло получить премию декана факультета свободных искусств. Эта поддержка была очень кстати: я смогла отложить преподавательские и административные обязанности на целый семестр и заняться рукописью.

Выражаю признательность за возможность публикации отдельных глав и предоставленные для книги иллюстрации. Фрагменты из главы 2 были напечатаны под заголовком «*Emotion Work, Shame, and Post-Soviet Women Entrepreneurs: Negotiating Ideals of Gender and Labor in a Global Economy*» в журнале *Identities: Global Studies in Culture and Power* 18 (4), текст главы 6 был опубликован в *Signs: Journal of Women in Society and Culture* 43 (1) под названием «“*Other Mothers*”, *Migration, and a Transnational Nurturing Nexus*». Хочу поблагодарить Исторический архив Япи Креди в Стамбуле, который дал мне разрешение напечатать в книге иллюстрацию из коллекции Селахаттина Гиза. Наконец, я хочу поблагодарить Джареда Блока, который позволил мне использовать три его фотографии, одна из них — на обложке.

Обсуждение идей со многими коллегами было очень полезным для меня, и я хочу особенно поблагодарить следующих: Школу американских исследований и Кэрол Вэнс за организацию семинара «Этнография и политика: что мы знаем о торговле людьми?» (2005), Японский национальный музей этнологии и Юки Конагая за семинар «Нарративы социализма» в Осаке (2010), Курс исследований о России Колледжа Уэллсли и Филипа Кохла за приглашение выступить в моей альма-матер (2012), Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета и Сергея Неклюдова за радушный прием на семинаре «Фольклор и постфольклор» (2015). В начале работы Марина Малышева и Елена Тюрюканова воодушевили меня и обеспечили доступ в Московский центр гендерных исследований. Хочу выразить особую признательность Николь Констэбл, которая долго меня поддерживала и вдохновила на исследования в сфере гендера и миграции. Наконец, я в долгу перед Брюсом

Грантом за его сердечную коллегальность на протяжении долгих лет и за то, что он проложил новое направление антропологических исследований бывшего Советского Союза.

Ключевое значение имели места, где я писала эту книгу. Хочу поблагодарить Школу европейских языков при Университете английского и европейских языков в Хайдерабаде (Индия), предоставившую мне доступ к библиотеке летом 2006 года. Точно так же Отделение социологии в Босфорском университете в Стамбуле, и особенно Фарук Биртек и Нюкхет Сирман, благородно упростили организацию моего исследования в 2007 году. На отделении антропологии в Американском музее естественной истории мне всегда оказывали теплый прием, в том числе во время академического отпуска в Нью-Йорке в 2012–2013 годах. Я благодарна Институту Гарримана при Колумбийском университете за то, что в том же году принял меня в качестве приглашенного исследователя. Благодаря этому я смогла завершить работу над рукописью в одном из самых благоприятных мест для работы — в Библиотеке при Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. Кофейный киоск на углу 122 Стрит и Бродвея и его трудолюбивые сотрудники заслуживают отдельной благодарности: они поддерживали меня в тону-се в 2012–2013 годах.

Хочу поблагодарить тех, кто оказывал мне неоценимую поддержку и давал отзывы на мою работу на разных стадиях проекта. Мария Белиева, Дикмен Безмез, Эда Чакмакчи, Хансен Чоу, Дженна Дур, Татьяна Гадьялова (Бойе), Алексей Голубев, Оралия Гомес-Рамирес, Сьюзен Хикс, Сангсук Лим, Анастасия Рогова и Джейми Тейлор помогли мне самыми разными способами. Джоан Уикс, специалист по турецкому языку, глава Ближневосточной секции Африканского и Средневосточного отделения Библиотеки Конгресса США, помогла мне правильно транслитерировать турецкие имена. Эда Чакмакчи помогла получить разрешение на использование изображений из Исторического архива Япи Креди. Оралия Гомес-Рамирес взяла на себя трудоемкую работу по подготовке изображений, в том числе форматирование и урегулирование правовых вопросов. Оралия также составила

именной указатель. Джейми Тейлор построила карты, а Анастасия Рогова внимательно проверила переводы и транслитерации с русского языка и нашла труднодоступные источники. В конце работы, когда Кэтрин Уайт и Сьюзен Дуэлли в сжатые сроки отредактировали рукопись, Сьюзен напомнила мне о ловушках профессионального жаргона и радостях простого языка. Сотрудники Департамента антропологии Университета Британской Колумбии с готовностью помогли мне в работе с документами и администрировании грантов, и я особо признательна Радисси Бралетик, Джойс Ма и Элеанор Асунсьон. Наконец, я в долгу перед Джеймсом Лэнсом из издательства *Cornell University Press*: он сохранил энтузиазм по отношению к проекту и провел книгу через все этапы редакционного процесса. Три анонимных рецензента очень помогли мне обдумать и подчеркнуть важнейшие аргументы, а Кэролин Паунси внимательно отредактировала текст. Все оставшиеся ошибки — на моей совести.

Только с помощью друзей и коллег я смогла задумать проект, воплотить его в жизнь и довести до конца. Я признательна Джули Крюкшанк за долгие прогулки, щедрые советы и дискуссии о писательстве и чтении, в том числе и о вдохновляющих новых книгах. Лорел Кендалл была моим наставником и другом, давала мудрые советы, а также делилась своим острым взглядом на текстиль и любовью к изысканной вегетарианской кухне. Нина Даймонд показала мне всю возможную глубину дружбы, прочитав и прокомментировав первый вариант рукописи, а также внимательно выслушав и вдумчиво вычитав книгу на поздней стадии работы. В самом начале работы Майкл Хатауэй давал беспристрастные оценки ключевым концепциям. С Лесли Робертсон мы регулярно обсуждали проблемы на пути создания актуальной этнографии, а еще она дала мне совет по выбору названия книги из разных вариантов. Кира Чубукчуголу три десятилетия поддерживала связь между Россией, Турцией и Нью-Йорком; я в долгу перед Кирой, ее мужем Ильханом и всей их семьей за помощь в моем исследовании. Я находила отдых и поддержку у друзей и на Восточном, и на Западном побережье Северной Америки; большое спасибо Гили Аврахами, Сумит

Гулати, Тофер Джером, Ашок Котуал, Труус Котуал, Ниша Малхотра, Терре Саттерфилд и Гомеру Уильямсу. Особенно хочется поблагодарить Кейт Суатек за долгие беседы в саунах и за то, что она подпитывала мое воображение своей любовью к историям, которые связывали нас во времени и в пространстве: от Китая до Питтсбурга и от Нью-Йорка до Ванкувера. Йел, Гидеон и Дрор Лави-Шелах просто знали, когда и куда приехать в гости: и когда проект начинался в Стамбуле, и когда он заканчивался в Ванкувере. В России семья Савоскул принимала меня в своем доме: это было идеальным местом для начала проекта. Светлана Савоскул помогла наладить контакт с челноками, а Оксана и Мария Савоскул воодушевляли меня своим интересом к книге. В Стамбуле Томас Битнер великодушно позволял мне останавливаться в своей «башне» и в короткие, и в долгие визиты, Гаспар Биз радовал своим добродушным смехом и космополитическими взглядами, сформировавшимися за годы жизни в России и Турции, а Гаэльль Берте заражала радостью жизни и знала огромное количество мест для семейного отдыха. Наконец, на заре исследования мне повезло познакомиться с Консуэло (Чело) Эчиверрия и ее инсталляциями в башне Галата в Стамбуле. Ее беспредельная вера в книгу безмерно помогла проекту.

Не в последнюю очередь эта книга обязана своим появлением моей семье. Две женщины сделали это исследование возможным: моя мачеха Ребекка Шеппард и моя мать Сьюзен Дуэлли. Я очень признательна им за их безусловное желание позаботиться о внучке Мире, пока я занималась полевой работой: в 2003 году в Стамбуле (Ребекка и Сьюзен), в Молдове (Ребекка) и России (Сьюзен); в 2004 и 2005 годах в Молдове и Вермонте (Ребекка) и в 2007 году в Стамбуле (Ребекка и Сьюзен). Мой отец Джон Блок вдохновил меня самоотверженной борьбой с социальным неравенством и интересом к сельской жизни бывшего Советского Союза и помогал мне в повседневных заботах. Мой брат Джаред цепким взглядом фотографа подсказывал новое видение энергии и темпа жизни Стамбула. Наконец, брат Тобиас в Нью-Йорке много раз выступал моим личным экспертом по логистике: это очень облегчило мои поездки в Турцию и обратно с маленьким ребенком.

В конечном счете я смогла задумать и осуществить этот проект только благодаря самым близким членам моей семьи. Вся жизнь моей дочери Миры пересекается с исследованием, и она росла, зная, что по всему миру, а особенно в Турции, Южной Молдове и России, есть люди, которые спрашивают о ней и пересматривают ее детские фотографии, вспоминая самих себя в начале тысячелетия. Самир появился, когда исследование было уже на стадии завершения, и напомнил мне, что в балансе между семьей и профессиональными амбициями и скрывается радость. Надеюсь, рано или поздно мое стремление жить насыщенной, пусть порой и беспокойной жизнью станет для Миры и Самира примером полноценного бытия. Такая жизнь не была бы возможна без Милинда Кандликара. Он регулярно выступал в роли отца-одиночки во время моих полевых исследований, брал на себя большую часть домашних обязанностей в трудные моменты и напоминал мне, что иногда нужно посмеяться и насладиться бокалом вина. И, наконец, он стойко верил в мою книгу.

На следующих страницах я постаралась рассказать о трудностях и невзгодах, а еще — надеждах и мечтах женщин, которые отправляются из бывшего Советского Союза в Стамбул и обратно. Мне остается лишь надеяться, что это получилось хотя бы отчасти.

Отдельные замечания к публикации русскоязычного перевода книги

Перевод моей книги получил щедрую поддержку от Фонда научных публикаций Университета Британской Колумбии. Я бы также хотела отметить, что перевод стал возможен благодаря Издательству академических исследований, и я в особенности благодарна Екатерине Яндугановой за терпеливое сопровождение всего этого проекта. Вадим Цилинский осуществил перевод в трудных обстоятельствах при участии технического редактора Марии Нестеренко. Анастасия Рогова великодушно предложила сделать обзор нескольких переведенных глав. И в конечном счете, я чувствую себя очень обязанной редактору перевода на русский язык Оксане Савоскул за кропотливую работу по вычитыванию текста и дотошное внимание к терминологии и другим нюансам оригинального текста на английском; в своем окончательном варианте текст этого перевода сложился благодаря ее компетентности.

О переводе и транслитерации

В большинстве случаев сохранены оригинальные названия мест, если в русском языке нет более распространенного варианта. Например, Босфор, а не Боазичи. Если у одного места широко распространены два названия, я отдаю предпочтение тому, которое использовалось в речи, например Кишинэу, или Кишинев.

Все личные имена в тексте — псевдонимы, кроме имен официальных должностных лиц. В качестве псевдонимов я использовала имена, обычные в среде мигранток из бывшего Советского Союза.

Турецкие или гагаузские термины расшифровываются при первом использовании. Все переводы с турецкого мои собственные, если не указано другое.

Цены приводятся в долларах США, если не указано иное.

Часть I

МОБИЛЬНОСТЬ
И ИНТИМНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ

Введение

От Арктики до Стамбула

Весна 1999 года, Тура, Эвенкийский район Красноярского края. Мы с Женей сидели у окна. Она стряхивала сигаретный пепел в топку печи длинными красными ногтями и рассказывала о недавних поездках за покупками. Мы знали друг друга с самого распада Советского Союза и были знакомы больше семи лет. Женя происходила из коренных народов и могла воспользоваться специальными образовательными программами, которые продолжали действовать в 1990-е: она безуспешно училась на медсестру, потом — на юриста, а затем посвятила себя обучению детей с особыми потребностями и стала учительницей. Когда мы познакомились в 1992 году, Женя чувствовала, что зашла в тупик, а в 1993-м ей приходилось по несколько месяцев мириться с задержками зарплаты. Наконец, в 1995 году Женя пошла в бизнес: сначала она работала помощницей в бакалейной компании своего старшего брата, а в 1998-м организовала собственное дело — импорт одежды.

Мы курили сигареты «Космос» и смотрели со второго этажа, как жители поселка сажают картошку. Женя с удовольствием рассказывала, как прошел этот год. Она клялась, что больше никогда не поедет в Среднюю Азию. В начале этого года она на грузовике совершила изматывающую поездку через Казахстан, где ее ограбили, отняв тысячу долларов, на которые она собиралась закупить одежду для перепродажи¹. Это был суровый способ

---

¹ После экономического кризиса 1998 года, когда курс российского рубля был неустойчив несколько лет подряд, в бизнесе и в быту большие суммы часто измеряли в долларах США.

зарабатывать на жизнь. Зато поездка в Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) оказалась и приятной, и выгодной. Она считала, что ей посчастливилось побывать там, ведь вскоре после этого правительство прекратило выдавать визы женщинам младше тридцати, которых не сопровождал бы муж или брат². Женя не воспринимала всерьез опасения ОАЭ, что ее соотечественницы займутся секс-работой; она с теплотой вспоминала о внимании арабских мужчин и рассказывала, что «чувствовала себя королевой», когда занималась оптовыми закупками³. Она закупала кипы одежды для перепродажи в Сибири. Женя с особым чувством вспоминала, как нанимала носильщиков, которые на тележках доставляли ее товар в отель. «Я и пальцем не шевельнула!» — Женя оглядела свой маникюр и продолжила: «Они там действительно умеют обращаться с женщиной как с настоящей леди, мне даже ручку целовали на прощание!» Женя больше не возвращалась в ОАЭ, но в своих последующих многочисленных поездках в Турцию она, как и другие женщины, вовлеченные в транснациональную миграцию, временами испытывала большое удовольствие от новых форм взаимодействия с противоположным полом, и это было для нее столь же важно, как и удовлетворение растущего спроса на модную одежду в Сибири.

История Жени отражает глобальный тренд: женщины постепенно становились все более мобильными начиная с 1970-х годов. Если до этого момента обычно мигрировали мужчины, а женщины и дети их только сопровождали и находились в зависимости

---

² Н. Шах и И. Менон [Shah, Menon 1997] подробно рассказывают о политике, которую вели в 1990-х по отношению к трудовым мигранткам страны Ближнего Востока (особенно Кувейт). См. [Mahdavi 2011] об условиях, с которыми сталкивались трудовые мигранты и мигрантки в Дубае.

³ По сообщениям многих челночных торговцев, даже женщинам, приехавшим в ОАЭ вместе с мужем, могли отказать в визе, если у супругов разные фамилии. В 2015 году посольство ОАЭ на своем сайте указывало, что визы по прибытии предусмотрены для граждан пятидесяти двух стран. Гражданам России предлагалось оформлять визы в ОАЭ заблаговременно, а о различных условиях для мужчин и женщин или возрастных ограничениях не сообщалось.

от них, то в наши дни количество международных мигрантов примерно одинаковое среди мужчин и женщин; из 244 млн человек, которые живут за пределами своей родной страны, половина — женщины [UNFPA 2015]. Люди все так же переезжают с места на место из-за гражданских войн, природных катастроф, нестабильности правительств, но при этом мобильность женщин особенно возросла в 1970-е годы, когда в глобальной экономике начались интенсивные изменения, приведшие к сокращению социальных обязательств государства и новым формам экономической нестабильности, а также развитию сервисной экономики и спросу на дешевый труд. Исходя из опыта Жени, можно предположить, что через призму гендерных отношений и миграции в бывшем Советском Союзе (бывшем СССР)⁴ выявляется тесная связь глобальных экономических кризисов и связанных с ними неолиберальных структурных изменений с «эмоциональным», «личным» или «интимным» миром. Когда государственный социализм, как подмечено в одном особенно своевременном анализе, «кончился» [Юрчак 2014], международная мобильность стала определять жизни людей в этой части Евразии в масштабах, невиданных со времен Второй мировой войны.

На страницах этой книги я прослеживаю связь международной мобильности — порождения заката социализма и экспансии мирового капитализма — с повседневными отношениями, которые редко принимаются во внимание в миграционных исследованиях. Таким образом я намерена показать радикальные изменения, которые внесла новая мобильность в практики интимных отношений, эмоциональный мир и социальные связи женщин, мужчин и детей в Евразии. Ключевой траекторией транснациональной миграции для граждан бывшего СССР явилась Турция. Вовлеченные в циклическую миграцию между двумя странами женщины вырабатывали новые формы интимных отношений, сыгравшие ключевую роль в их международной мобильности. Женья и другие постсоветские женщины не просто пересекали

---

⁴ В книге я использую термины *бывший Советский Союз* и *бывший СССР* как взаимозаменяемые.

физические границы. Они стали интегральной составляющей возобновленных транснациональных потоков между двумя регионами, которые большую часть XX столетия воспринимались как отдельные миры: Восток и Запад, капиталистический и социалистический, современный и традиционный, — особенно в вопросах гендера и сексуальности. Опираясь на жизненный опыт постсоветских женщин, работавших в Стамбуле в трех сферах, таких как секс-работа, торговля одеждой и помощь по дому, я исследую, как мигрантки приводят к общему знаменателю свои эмоции, интимные отношения и непредсказуемость государственной власти, определяющей их трудовую занятость. Более того, намеренно оставляя за скобками разговор о виктимизации, об эксплуатации и опасности такой жизни, я обращаю внимание на хитросплетения человеческих судеб и на связи, которые часто основаны на любви или обязательствах, возникших в результате опыта транснациональной мобильности.

Эта книга опирается на материалы десятилетних (2001–2011) полевых этнографических исследований в Турции, Молдове и России, в ее основе лежат истории постсоветских мигранток, таких как Зина, Ирина и Ольга: после краха социализма их всех принесла в Стамбул волна транснациональной трудовой миграции. В середине 1990-х Зина села в микроавтобус в Южной Молдове и отправилась в Стамбул искать работу. На родине она работала санитаркой и месяцами не получала зарплату из-за катастрофических экономических перемен; ее муж погиб на стройке в Москве. Зина проработала пятнадцать лет в качестве домашней прислуги в Стамбуле и смогла сама себя обеспечить: она отремонтировала дом в Молдове и содержала двоих детей, которые получили профессиональное образование. Другие же, например челночница Ольга из России и экзотическая танцовщица из Украины Ирина, путешествовали не столько из необходимости, сколько ради реализации новых возможностей. Именно эти мотивы стали центральной темой многих моих разговоров с постсоветскими женщинами, ездившими из бывшего СССР в Турцию. В этих беседах отразилась как новая система гендерных отношений, в которую вовлекались женщины

в заграничных поездках, так и восторг от небывалой ранее свободы в перемещениях по миру. Портретируя динамичных постсоветских женщин, зашивавших разорванную крахом социализма общественную ткань, я стремлюсь показать, как женщины переосмысливают интимные отношения во времена разобщенности людских отношений.

Однозначно эта история вовсе не о движении вперед, не о том, как люди осваивают пути капитализма, отбрасывая свои «отсталые» социалистические привычки. Вместо того я говорю о неразрывности и взаимосвязанности, о видении модерности (как провалившейся, развивающейся или спорной) и о том, как феминизированная мобильность встраивается в схемы неолиберального реструктурирования, захлестнувшего всю Евразию, в том числе Турцию и бывший Советский Союз. Эта книга предлагает способ по-новому взглянуть на перераспределение власти и возможностей в Евразии, сосредоточив внимание на женщинах, которые стремятся жить по обе стороны недавно открытых границ. Новые формы мобильности в регионе становятся инструментом в рефлексии о модерности, усложняя либеральные нарративы, сводимые к траектории от «угнетающего» государственного социализма к «возможностям» глобального капитализма. Социалистические парадигмы и формы управления, однако, не подверглись мгновенной или постепенной смене, и люди, жившие при государственном социализме, во многом продолжали мыслить в категориях сошедшей с рельсов социалистической модерности⁵.

Многие из встреченных мною женщин, подобно Жене, отмечали, что их с самого начала завораживали возможности по ту сторону границы и новая интимная экономика, но многие также горько сожалели обо всем, что они утратили, включившись в глобальную капиталистическую сеть. По мнению некоторых исследователей, с формированием новых форм мобильности и сокращением старых мобильность сама по себе стала неотъемлемым признаком модерности [Chu 2010]. Аналогичным образом

⁵ См. [Berdahl 1999; Юрчак 2014; Dunn 2004; Ghodsee 2009].

я считаю, что мобильность позволяет нам понять сдвиг идеалов, ассоциированных с «современностью»: это размытая категория⁶, однако на нее часто ссылались мигранты в разговорах о гендерных идеалах и интимных практиках⁷. Рассматривая постсоветских женщин, проделывающих огромный путь, чтобы подолгу работать и жить в Турции, я показываю, что практики интимных отношений между мужчинами и женщинами, матерями и детьми, бабушками и детьми, а также мигрантками и турецкими мужчинами находятся в самом сердце истории о массовой мобильности, порожденной усиливающимся глобальным капитализмом и затухающим государственным социализмом. Изображая интимные практики как центральное звено в опыте транснациональных переходов через границы, эта книга отходит от традиционных дискурсов, вращающихся вокруг денежных переводов, практик пересечения границ и виктимизации, чтобы переключить наше внимание на опыт мигранток, обустроивающих свои жизни в новом транснациональном пространстве.

Перемещения постсоветских граждан по Евразии

Хотя исследования для этой книги большей частью проводились в Стамбуле (Турция), мое внимание сосредоточено на постсоветских мигрантках как людях, находящихся в процессе миграции, и в меньшей степени — на турках, с которыми взаимодействуют эти женщины. Мигрантки, о которых идет речь в этой книге, очень отличаются одна от другой. Время их пребывания в Турции может ограничиваться несколькими днями, но чаще всего оно суммарно складывается в долгие годы, прерываемые с той или иной частотой короткими поездками домой. Только небольшая часть мигранток работает по официальным контрактам, а большинство из них приезжает на работу по туристическим визам, остается на срок дольше разрешенного и пре-

---

⁶ См. [Cooper 2005: 113–149].

⁷ См. [Abu-Lughod 1997].

вращается в «недокументированных»: у них нет официального права работать, а поскольку визы просрочены, нет даже права легально находиться в Турции. Они приезжают из многих стран, в том числе Беларуси, Украины, Азербайджана, Молдовы, Казахстана, Армении, Узбекистана, России и Грузии. Несмотря на такое разнообразие, мигранты из бывшего Советского Союза — преимущественно женщины, выросшие в обществе, сформированном социализмом, поэтому у них много общего: например, они разделяют особую этику, связанную с ощущением своего гражданства и общим для всех русским языком в качестве лингва франка. Турецкое общество зачастую воспринимает их как гиперсексуализированных [Gülçür, İlkaracan 2000] — этот опыт тоже общий. В целом гендерно неоднородная постсоветская мобильность в направлении Турции является фундаментальным фактором при формировании транснациональных связей, которые женщины налаживают между Стамбулом и их родными сообществами. Долгосрочные мигрантки часто поддерживают тесную связь с транснациональными семьями, удовлетворяют свое стремление к рискованным предприятиям и независимости и нередко устанавливают эмоционально значимые связи с мужчинами в Турции. Описывая транснациональные жизни и интимные практики недавно ставших мобильными постсоветских женщин, я намереваюсь проследить то, что один исследователь назвал «путями» (routes) и «корнями» (roots) людей в движении [Clifford 1997]. В то время как «пути» лежат между бывшим СССР и Турцией, «корни» скрываются в основном в их общем постсоветском пространстве. Также я обращаю особое внимание на одно из крупнейших в Стамбуле сообществ постсоветских мигрантов — женщин из Южной Молдовы.

Транснациональные связи между бывшим СССР и Турцией

Вслед за Роджером Роузом, который пишет о «перекрестных экономиках, взаимосвязанных системах значений и фрагментарных идентичностях, порожденных новым глобализованным миром» [Rouse 1991: 8], в этой книге я отхожу от традиционной

этнографической привязки исследования к конкретной местности или этнической группе и вместо этого сосредоточиваюсь на транснациональных связях и потоках. Меня вдохновили примеры ярких работ по транснациональной миграции⁸, и в особенности о гендерном характере этой мобильности⁹, и я стремлюсь показать, как эта мобильность стала основой повседневной жизни людей, а также обрисовать разнообразие связей, которые постсоветские трудовые мигрантки поддерживают и в Стамбуле, и с друзьями и родными в бывшем СССР и за его пределами.

Постсоветские трудовые мигранты часто стремятся работать в Западной Европе, где труд оплачивается лучше¹⁰, но на практике они обычно выбирают место ближе к дому. Например, большинство челночных торговцев одеждой отправляются из России в Турцию, но в то же время сама Россия принимает огромное количество трудовых мигрантов из бывшего Советского Союза, в том числе из Средней Азии, Украины и Молдовы¹¹. В России мигранты обоих полов находят работу в строительстве и ремонте жилья, а также в сфере услуг, при этом в сфере работы по дому спрос на женский труд постоянно возрастает. В то же время потребность в женском труде огромна и в Турции, особенно в сферах развлечений, работы по дому и в торговле (в качестве продавщиц или переводчиц), а спрос на труд мужчин-мигрантов гораздо ниже.

Профиль трудовой миграции из Молдовы поразительный, в том числе в Турцию. С конца 1990-х почти 20 % трудоспособных граждан страны жили за пределами Молдовы в каждом конкретном году, в 2009 году 23 % валового внутреннего продукта (ВВП) Молдовы составляли официальные денежные переводы из-за рубежа¹². Важную роль в этом финансовом потоке играют также денежные переводы по неофициальным каналам и оплата това-

---

⁸ Напр., [Basch et al. 1994; Glick Schiller 1999; Ong 1999].

⁹ Напр., [Morokvasic 1984; Pessar, Mahler 2003; Constable 2003; Hirsch 2003; Cheng 2010].

¹⁰ См. [Ghençea, Gudumac 2004; Subbotina 2007].

¹¹ См. [Bloch 2014; Reeves 2014; Demintseva, Kashnitsky 2016].

¹² См. [Ghençea, Gudumac 2004: 41; Subbotina 2007; UNDP 2011: 129].

ров¹³, например, тысячи недекларированных долларов, которые одна из моих собеседниц возила примотанными к телу в своих регулярных закупочных поездках из Украины и Молдовы в Турцию. Экономика денежных переводов, соединяющая Молдову с Турцией, а также с Россией, тесно связана с глубоким пересмотром семейных обязанностей и перераспределением воспитательных функций, как в филиппинских транснациональных семьях, согласно исследованиям Р. Парренас [Parreñas 2001a]. Частые и/или долгие отлучки мужчин и женщин из дома, их заработки и новые сферы приложения труда оказывают влияние на их функционирование в роли родителей, супругов и граждан в домохозяйствах и поселениях, с которыми они поддерживают разнообразные связи.

Участвуя в перемещении товаров, идей и денег через границы стран бывшего СССР, постсоветские женщины приняли на себя новые социальные и экономические роли, ставшие важным аспектом этой масштабной трудовой миграции, которому раньше уделялось мало внимания. Рассказы женщин об их работе и усилиях, которые они предпринимают, чтобы оставаться трудовыми мигрантами во время усиливающегося контроля границ, часто затмеваются историями о виктимизации со стороны преступных элементов¹⁴. Сосредоточившись на практиках интимных отношений у мигранток, можно понять, как постсоветские женщины разрабатывают стратегии для пересечения границ: в числе прочего — заключение повторных браков для получения паспорта на новую фамилию, вступление в долгосрочные связи и браки с турецкими мужчинами или устройство на работу в клубы в сфере развлечения. Интересно проследить и то, как медиа и правительственные структуры освещают практики интимных отношений и как не только индивиды, но и целые семьи вовлекаются в такие интимные практики, как забота о членах семьи,

¹³ Судя по тому, как часто мигрантки просили меня передать деньги или дорогие золотые украшения их родственникам, а также везли деньги с собой или пересылали их другими неформальными способами, можно представить, что около половины денежных переводов осуществляется неофициально.

¹⁴ Напр., [Hughes 2000; Malarek 2003].

оставшихся на родине, и воспитание детей. В целом опыт миграции советских женщин вписывается в мировую тенденцию гендерной гибкости труда, которая служит новым формам транснационального капитала и неразрывно связывает интимные практики через огромные расстояния¹⁵.

При введении в обиход практики выдачи туристических виз по прибытии в страну в начале 1990-х женщины приезжали в Турцию тысячами — в то самое время, когда усиливались противоречия между секулярным и исламистским взглядом на современность [White 2002]¹⁶. В Турции крепло исламское движение, идеалы которого определялись политическими и возрожденческими мотивами и настроениями, в том числе стремлением к восстановлению гендерного кодекса скромности. Это особенно контрастировало с явными проявлениями сексуальности со стороны секулярно настроенных жительниц городов Турции и русскоязычных мигранток, таких как Женя [Öncü 1999; White 1999]¹⁷. Постсоветские женщины превратились в громоотвод для острых дискуссий на тему гендерного кодекса скромности и проявлений женской

¹⁵ См. [Colen 1995; Ehrenreich, Hochschild 2002].

¹⁶ В начале 1990-х граждане большинства стран бывшего СССР могли въезжать в Турцию, получая туристическую визу по прибытии на один или два месяца. Сравнительно мягкое турецкое миграционное законодательство с 1990-х годов объясняется тем, что Турция подписала Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве, призванный облегчить торговлю и пересечение границ в регионе. К договору присоединились также Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдова, Румыния, Россия и Украина [Aktar, Ögelman 1994: 344].

¹⁷ Исламисты — широкий термин, отсылающий к политизации ислама, но понимаемый по-разному. Малис Рутвен пишет об «исламизме» как об «идеологизации» ислама в политических терминах, когда используются некоторые символы из «исторического репертуара ислама», «так же как, когда коммунизм идеологизирует реальность коммуны, социализм — общество, а фашизм — древний символ римской исполнительной власти. Исламизм — это не ислам... очень важно понимать разницу между ними» [Ruthven 2012: 26]. В Турции с конца 1990-х годов все больше людей ассоциируют понятие *исламист* с «возрождением гражданской жизни, вовлекающим консервативных женщин в политический процесс», и с «вызовом монополии урбанизма и модернизма», которой много десятилетий придерживались турки, определявшие себя как светские вестернизированные городские жители [White 2004: 149]; см. также [White 2002; Vojdik 2010].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru